
Отчётная документация Корпуса жандармов и устройство высшей полиции в 1820—1830-е гг.

Александр Леонтьев

Reports of the Special Corps of Gendarmes and the Organization of Imperial Russia's Secret Police of 1820s–1830s

Alexander Leontiev

*(National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870014825-8

В историографии не раз освещались различные аспекты организации и деятельности учреждений тайной полиции, созданных в начале царствования Николая I. При этом нередко III отделение Собственной е.и.в. канцелярии и Корпус жандармов рассматривались как части одного ведомства. Так, М.К. Лемке, к примеру, то и дело именовал жандармских штаб-офицеров чиновниками III отделения и наоборот¹. По словам И.М. Троицкого, «самое единство III отделения и жандармерии держалось только на личной унии шефа жандармов и начальника III отделения. Только в 1839 году должность начальника штаба Корпуса жандармов была соединена с должностью управляющего III отделением, и лишь в 1842 г. слились все жандармские части». Именно поэтому историк называл Л.В. Дубельта «творцом жандармской системы»².

В диссертации Т.Г. Деревниной, защищённой под руководством П.А. Зайончковского, Корпус жандармов характеризовался как «надзаконное учреждение», наделённое «особыми полномочиями», и исполнительный орган тайной полиции», под которой исследовательница, вслед за дореволюционным правоведом И.Т. Тарасовым, понимала «не столько известную сферу ведомства, сколько известную форму деятельности», связанную с использованием секретных агентов, анонимных доносов и т.п.³ Вместе с тем Деревнина полагала, что хотя в 1826 г. «не рассматривался вопрос о тесном взаимодействии III отделения и жандармерии, однако оно безусловно представлялось не только возможным, но и необходимым»⁴. Другой ученик П.А. Зайончковского — Н.П. Ерошкин, анализируя политическую систему самодержавия, уже прямо именовал Корпус жандармов исполнительным органом III отделения⁵. Впоследствии, благодаря его авторитету, данное представление прочно закрепилось

© 2021 г. А.А. Леонтьев

¹ Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1908. С. 27.

² Троицкий И.М. Третье отделение при Николае I: сыщики и провокаторы. СПб., 2015. С. 48. Первое издание книги вышло в 1930 г.

³ Деревнина Т.Г. III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России (1826—1855 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 62, 126.

⁴ Деревнина Т.Г. Из истории образования III отделения // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1973. № 4. С. 68.

⁵ Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты // Российское самодержавие / Под ред. В.А. Муравьёва. М., 2006. С. 187; Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. С. 159.

в научной литературе⁶. Разделяя его, учёные лишь изредка делали существенные оговорки. К примеру, по мнению С.А. Степанова и Ч.А. Рууда, «жандармские части превратились в исполнительные органы Третьего отделения», но и «само Третье отделение в известной степени было поглощено жандармерией»⁷. И только в 2009 г. Г.Н. Бибииков осторожно отметил, что рассмотрение Корпуса жандармов как «исполнительного органа» III отделения «представляется не совсем оправданным»⁸.

Действительно, ещё в 1831 г. шеф жандармов и главный начальник III отделения Собственной е.и.в. канцелярии А.Х. Бенкендорф обращал внимание своих подчинённых на то, что «Корпус жандармов не разделяет никакой власти, ни от кого не отнимает её; он — вспомогательное средство для всех других частей. Он член всех управлений, он принадлежит всем министерствам»⁹. Не случайно жандармские офицеры служили «орудием» не только политического сыска, но и ревизирующих сенаторов или генерал-адъютантов, направленных в губернии с тем или иным поручением, губернаторов¹⁰. Собственно, замысел Бенкендорфа изначально предусматривал, что «гражданские и военные министры и даже частные лица встретят поддержку и помощь со стороны полиции, организованной в этом смысле»¹¹. Между тем для того, чтобы лучше понять, как в 1820—1830-е гг. выстраивались отношения разных структур, оказавшихся в подчинении Бенкендорфа, необходимо присмотреться к их отчётности, которая обычно лишь фрагментарно используется исследователями, предпочитающими обращаться преимущественно к «нравственно-политическим отчётам»¹², составляющим лишь часть обширного комплекса отчётной документации¹³.

Характерно, что III отделение и жандармское ведомство предоставляли годовую отчётность независимо друг от друга. Так, поначалу шеф ежегодно подписывал «Отчёт о действиях чиновников Корпуса жандармов за истекший N год» и «Отчёт о действиях жандармских нижних чинов в течение N года» (с 1831 г. их объединили в один), а также «Отчёт за N год Корпуса жандармов». Судя по пометкам Л.В. Дубельта, сохранившимся на титульных листах, император читал эти документы, как правило, в первой половине января.

«Отчёт о действиях чиновников» впервые был предоставлен в начале 1829 г. и охватывал период, прошедший с момента учреждения корпуса в 1827 г. В этом довольно объёмном тексте, не имевшем каких-либо разделов, кратко освещались наиболее важные занятия офицеров¹⁴. Впоследствии в отчётах стали выделяться отдельные сюжеты, но в целом их структура и характер не изменились. Например, в 1833 г. сообщалось, что «во всех возвращённых от Польши и белорусских губерниях военные губернаторы возлагали на офице-

⁶ Чукарев А.Г. Тайная полиция России: 1826—1855 гг. М., 2005. С. 130; Романов В.В. Политическая полиция Российской империи 1826—1860 гг.: основные тенденции развития. Ульяновск, 2007. С. 98.

⁷ Степанов С.А., Рууд Ч.А. Фонтанка, 16: политический сыск при царях. М., 1993. С. 46.

⁸ Бибииков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 209.

⁹ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 221, л. 69.

¹⁰ Там же, ф. 109, оп. 223, д. 1, л. 122 об., 143; Романов В.В. Политическая полиция... С. 416.

¹¹ Записка, поданная А.Х. Бенкендорфом в январе 1826 г. императору Николаю I // Русская старина. 1900. № 12. С. 616.

¹² Россия под надзором: отчёты III отделения, 1827—1869 / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006.

¹³ ГА РФ, ф. 109, оп. 221, 223.

¹⁴ Там же, оп. 223, д. 1, л. 42—60.

ров Корпуса жандармов разные поручения; подполковники Попов и Валькевич присутствовали в комиссиях для конфискации имений и определения степени вины участников бывшего в Польше мятежа; и первый много содействовал к поимке вооружённых эмиссаров Волловича с товарищами и имел наблюдение за действиями жителей Гродненской губернии. Валькевичу поручено было строго исследовать противозаконные поступки брацлавского страпчего Фаньковского, который ныне удалён от сей должности; и кроме сего имел он другие поручения и непрерывно доставлял военному губернатору секретные сведения»¹⁵. Любопытно, что акцент делался здесь не на методах и деталях, а на результативности действий. Изучив эти тексты, Деревнина справедливо отмечала, что «подавляющее большинство характеристик — это хвалебные оды всему личному составу Корпуса жандармов, “мудрой” системе комплектования, которая обеспечивала жандармскую организацию “достойными” во всех отношениях людьми»¹⁶. На этом фоне ярко выделялся лишь раздел об исключении из корпуса трёх провинившихся офицеров, помещённый в отчёт за 1837 г. Один из них обвинялся в «подложном производстве следствия», второму предложили выйти в отставку из-за возникшего подозрения в причастности к злоупотреблению должностью, третий не смог раскрыть и своевременно доставить сведения об изготовлении фальшивых актов в саратовском приказе общественного призрения — об этих нарушениях узнал военный губернатор, доложивший в МВД, и дело получило огласку¹⁷. В том же году в разделе о нижних чинах появилась таблица «Выключено из Корпуса жандармов». Тем самым демонстрировалось, что проступки среди служащих корпуса случаются редко и всегда строго наказываются. И «это, разумеется, не могло изменить общей картины “благополучия и процветания” Корпуса, описанию которой было уделено немало страниц»¹⁸.

С важнейшими жандармскими делами император к моменту чтения отчёта уже был знаком по всеподданнейшим докладам Бенкендорфа. Тем не менее напоминание о них в годовом отчёте позволяло представить усердие и достижения служащих в наиболее выгодном свете. Неудивительно, что по мере расширения штата количество характеристик действий штаб-офицеров неуклонно росло за счёт подробности их описания, сокращавшегося иногда до одной строки¹⁹. Видимо, начальство старалось никого не забыть и косвенно доказывало обоснованность роста численности своих подчинённых.

Одновременно без устали повторялось, что жандармы «больше и больше постигают благотворную цель учреждения корпуса», который, в свою очередь, «более и более приобретает доверенность начальников гражданских», тогда как его штаб-офицеры «приобретают всеобщее уважение и доверенность всех сословий»²⁰. В разделах о содействии жандармов проведению рекрутских наборов и ярмарок на протяжении десятилетия из года в год говорилось о том, что прикомандирование офицеров для надзора способствует решению правительственных задач. Уже в отчёте за 1831 г. отмечалось, что «приметно уменьши-

¹⁵ Там же, л. 233—234.

¹⁶ Деревнина Т.Г. III отделение и его место... С. 170.

¹⁷ ГА РФ, ф. 109, оп. 223, д. 3, л. 107.

¹⁸ Деревнина Т.Г. III отделение и его место... С. 171.

¹⁹ ГА РФ, ф. 109, оп. 223, д. 2. Согласно ведомости «О численном состоянии корпуса», количество штаб-офицеров в 1833—1837 гг. выросло с 88 до 95 (Там же, д. 1, л. 240; д. 2, л. 148).

²⁰ Там же, д. 2, л. 47 об., 188; д. 3, л. 47 об.

лись те злоупотребления, которые существовали при прежних наборах»²¹. А в 1836 г. казалось, что «почти уже совершенно искореняется зло, являвшееся до сего времени при сих государственных повинностях»²². Придумать тут что-то новое явно было проблематично, поэтому оценка действий чинов корпуса воспроизводилась практически без изменений, с небольшими стилистическими вариациями или дословно²³, пока в 1839 г. данный раздел не исчез из отчётов. В заключительной части сообщалось о благодарности, выраженной в связи с деятельностью жандармов их шефу губернаторами, министрами и другими высокопоставленными чиновниками, а также приводились свидетельства возрастающего авторитета офицеров корпуса в обществе.

Вместе с тем уникальные части «Отчёта о действиях чиновников», связанные с такими событиями, как холера и польский мятеж в 1830 г., неурожай 1833—1834 гг., отделение губернских и портовых команд от Корпуса внутренней стражи и линейных батальонов или комплектование команд лошадьми в 1836 г.²⁴ и т.п., постоянно теснили и разбивали уже сложившиеся разделы. Поэтому структуру отчётов 1829—1838 гг. всё же нельзя признать формулярной в строгом смысле слова.

Кем именно составлялись подписанные Бенкендорфом отчёты, неизвестно. Их могли готовить чиновники под руководством дежурного офицера, а позднее — начальника штаба корпуса Дубельта, имевшего все необходимые данные²⁵. Конкретные примеры и имена офицеров переносились из рапортов и писем начальников жандармских округов. О том, как это делалось, можно судить по сохранившемуся рапорту начальника I (Петербургского) округа генерал-майора Д.П. Полозова о действиях его подчинённых в 1835 г. Он был направлен шефу 10 декабря, затем практически весь его текст оказался по частям зачёркнут, а рядом с перечёркнутыми фрагментами карандашом ставились цифры. При сравнении данного документа с годовым отчётом за 1835 г. выясняется, что все вычеркнутые фразы почти дословно воспроизведены в разделе об отличившихся офицерах, а проставленные цифры соответствуют порядковому номеру, под которым упоминалось данное дело²⁶. В 1838 г. начальник IV (Виленского) округа генерал-майор А.Ф. фон Дребуш так подробно описал заслуги своих штаб-офицеров в представлении к наградам, что его характеристики чуть ли не буквально перенесли в отчёт корпуса за год²⁷. Иногда сведения черпались из веподданнейших докладов²⁸. В таких случаях соответствующие дела обычно не

²¹ Там же, д. 1, л. 150.

²² Там же, д. 2, л. 148 об.

²³ Там же, д. 3, л. 49—51; д. 2 (пагинация нечитаема).

²⁴ Там же, д. 1, л. 117; д. 2, л. 46.

²⁵ Кстати, столь же сложно установить и авторов «обозрений» III отделения. В конце 1820-х гг. их писал управляющий III отделением М.Я. фон Фок (*Деревнина Т.Г.* III отделение и его место... С. 19; *Сидорова М.В., Щербакова Е.И.* Предисловие // *Россия под надзором...* С. 10). После его смерти в 1831 г. структура «обзоров» изменилась. В дальнейшем, как показал, ссылаясь на сохранившийся черновик отчёта за 1843 г., Бибииков, «обозрения» (как и «нравственно-политические отчёты») «готовились при участии нескольких чиновников, после чего поступали к управляющему, который вносил значительные правки и дополнения». В результате, «как правило, первоначальный текст сильно сокращался», и тогда его уже «читал и дорабатывал» Бенкендорф (*Бибииков Г.Н.* А.Х. Бенкендорф и политика... С. 145).

²⁶ ГА РФ, ф. 110, оп. 3, д. 277, л. 2; ф. 109, оп. 223, д. 2, л. 95—110.

²⁷ Там же, ф. 110, оп. 3, д. 404, л. 7 об., 109; ф. 109, оп. 223, д. 3, л. 32.

²⁸ Там же, ф. 110, оп. 3, д. 404, л. 59.

излагались, а сопровождалась оговоркой, согласно которой о них «было в своё время, по мере важности оных, представляемо к высочайшему сведению»²⁹.

«Отчёт о действиях жандармских нижних чинов за N год» сводился к таблице, в которой приводились общие данные и кратко сообщалось об особо отличившихся. С 1831 г. эти сведения включались в отчёт «О действиях чиновников». «Отчёт за N год Корпуса жандармов» на деле состоял из двух скромных ведомостей: «о состоянии разных воинских чинов» (где указывалась их штатная численность) и «делопроизводство» (в ней отражался ход служебной переписки). С 1835 г. их также присоединили к основному тексту, после чего корпус предоставлял уже только один годовой отчёт, к которому «в особой папке» прилагались статистические таблицы, сообщавшие об иностранцах и происшествиях и имевшие вид «краткий», «общий» и «общий сравнительный», т.е. за несколько лет³⁰.

В III отделении годовых отчётов «о действиях» до 1838 г. не составлялось. Вместо этого император с 1828 г. ежегодно получал аналитические очерки с характеристикой общественного мнения, состояния правительственных учреждений и важнейших политических событий. В 1827—1831 гг. такие обозрения составлялись на французском языке под разными наименованиями: «Обозрение общественного мнения за 1827 г.» («Résumé sur l'opinion publique, pendant l'année 1827») в 1828 г., «Обозрение общественного мнения в 1828 г.» («Résumé sur l'opinion publique, en 1828») в 1829 г., «Картина общественного мнения в 1829 г.» («Tableau de l'opinion publique en 1829») в 1830 г. и аналогичный доклад за 1830 г. в 1831 г.³¹ Трудно сказать, почему они составлялись на французском языке. Фон Фок свои донесения для Бенкендорфа писал по-французски, но прежде, когда служил в Министерстве полиции, обращался к министру А.Д. Балашёву в основном по-русски³². Оба языка были ему хорошо знакомы, хотя ни один из них не являлся для него родным. С 1832 г. обзоры стали готовить по-русски под различными заголовками: «Обозрение происшествий и общественного мнения в 1831 году», «Обозрение расположения умов и различных частей государственного управления в 1832 году» (этот вариант продержался до 1838 г.) или «Обозрение духа народного и разных частей государственного управления в 1838 году». В 1840 г. подаётся «Нравственно-политический отчёт за 1839 год». Это название сохранялось на протяжении 1840-х гг.³³

Перемены в системе отчётности проявились и в том, что в 1839 г., помимо «Обозрения», император впервые получил и «Отчёт занятиям III отделения С.Е.И.В.К. за 1838 год», составленный по примеру «Отчёта о действиях чиновников Корпуса жандармов», но имевший чёткую структуру и рубрикацию. О причинах установления новой формы отчётности можно только догадываться. Но так или иначе, оба учреждения высшей полиции, находившиеся в ведении гр. Бенкендорфа, подготовили два *симметричных* отчёта о своей деятель-

²⁹ Там же, ф. 109, оп. 223, д. 1, л. 54.

³⁰ Там же, д. 35—36.

³¹ Их перевод см.: Россия под надзором... С. 17—74.

³² Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая по донесениям М.Я. Фока А.Х. Бенкендорфу // Русская старина. 1881. № 9—11; Осведомительные письма: донесения помощника правителя Особенной канцелярии М.Я. фон Фока министру полиции А.Д. Балашову, апрель—август 1812 / Публ. С.Н. Искюля // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: памяти Г.С. Кучеренко. Материалы и исследования. М., 2001. С. 244—359.

³³ Россия под надзором... С. 78—433.

ности в 1838 г.³⁴ А уже в следующем году их отчётность была объединена, точнее, в структуру отчёта III отделения отныне встраивались сведения о Корпусе жандармов, объём которых значительно уменьшился. Так, в 1840 г. из 91 листа лишь 6 были посвящены делам корпуса, а остальные — III отделению³⁵. Соединение отчётов наглядно свидетельствовало об институциональном сращивании двух прежде самостоятельных структур. И едва ли случайно это совпало с тем, что именно в 1839 г. Дубельт, оставаясь начальником штаба Корпуса жандармов, стал также управляющим III отделением. Рационализация годовой отчётности не могла бы быть произведена без подобного совмещения должностей и, скорее всего, её инициировал именно Дубельт³⁶.

Но верно ли относить «обозрения» к отчётной документации? Они имели форму эссе, лишённого отчётного шаблона, содержавшего общую характеристику общественного мнения, отдельных политических событий или явлений. Порою их стиль напоминал скорее художественную литературу: «Среди сих бедствий государь являлся всегда твёрдым, непоколебимым; качества сии вполне тогда были оценяемы; все видели и разумели, что его единственно присутствие сильно было останавливать дальнейшее развитие беспорядков, но не менее того залегла у многих на сердце грустная мысль, что царствование его не предназначено быть счастливым»³⁷. В отличие от отчётов Корпуса жандармов, «обозрения» подводили итог *по предметам ведения* III отделения за год, но не его *деятельности*. Не случайно в них вовсе не указывались служащие данного учреждения, тогда как «Отчёты о действиях чиновников Корпуса жандармов» до 1838 г. сообщали именно о конкретных офицерах. При этом даже когда в 1839 г. «обозрение» стало называться «отчётом», оно не претерпело каких-либо жанровых изменений.

Публикаторы «нравственно-политических обозрений», вслед за Деревниной, утверждают, что до 1839 г. «отчёты жандармского ведомства делились на два больших раздела»: «Отчёт о действиях чиновников» и «Обозрение расположения умов и различных частей государственного управления»³⁸. Но это неоправданно смешивает две структуры, стирая существовавшую между ними изначально дистанцию и предвосхищая их последующую эволюцию. Между тем эти два вида документов не являлись частями одного целого хотя бы потому, что Николай I, судя по пометам Дубельта, читал их в разные дни, в среднем с недельным интервалом, причём всегда начинал с «обозрений». Только с 1842 г. даты просмотра «нравственно-политических отчётов» и «отчётов о действиях» совпадают³⁹, и это позволяет предположить, что на стол императора они подавались одновременно. Тексты отчётов, представленных до 1840 г., скорее всего, совмещались друг с другом только в процессе их передачи в архив, который создавался в 1846—1847 гг.⁴⁰

³⁴ Любопытно, что именно в тот год граф в течение пяти месяцев сопровождал императрицу за границей, а в Петербурге его замещал Дубельт, под руководством которого и был создан формуляр сводного «отчёта о действиях» высшей полиции (ГА РФ, ф. 109, оп. 223, д. 3, л. 58 об.—59).

³⁵ Там же, д. 5.

³⁶ Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Предисловие. С. 10.

³⁷ Россия под надзором... С. 140.

³⁸ Деревнина Т.Г. III отделение и его место... С. 19; Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Предисловие. С. 10.

³⁹ На «нравственно-политических отчётах» за 1839—1840 гг. дата просмотра не указана.

⁴⁰ Сидорова М.В. Архивы центральных органов политического розыска России XIX — начала XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. С. 9.

При этом «обозрения» не затрагивали действия жандармских чинов, а в отчётах корпуса отсутствовали характерные для III отделения обобщения. К примеру, при освещении событий, связанных с польским восстанием 1830 г., в «обозрении» указывалось на три типа мнений, распространённых в русском обществе, говорилось о лояльности жителей западных губерний и т.п.⁴¹, тогда как в отчёте Корпуса жандармов сообщалось о том, что касалось его офицеров: о подполковнике Колчевском, создававшем тайную полицию на занятых территориях, о прикомандировании полковника М.Н. Жемчужникова к генерал-фельдмаршалу гр. И.И. Дибичу-Забалканскому, об организации нового жандармского округа под руководством генерал-майора С.И. Лесовского, и т.д.⁴² Таким образом, информация в этих документах излагалась по-разному и не дублировалась.

Не следует забывать, что, разрабатывая систему высшей полиции, Бенкендорф предлагал подчинить её будущему начальнику два учреждения — Министерство полиции и Корпус жандармов, причём наличие между ними ещё какой-либо связи не оговаривалось⁴³. Вероятно, в его понимании это были различные ведомства, которым предстояло *взаимодействовать* на основе не институционального *подчинения*, а разделения функций.

Обособленность этих структур заметна и в «движении бумаг» корпуса. До 1839 г. соответствующая таблица в его отчётах содержала пункт «дела, переданные в III отделение». В 1834 г. таковых насчитывалось 362 из 5 589 дел, производившихся в штабе корпуса, в 1835 г. — 247 из 5 110, в 1836 г. — 78 из 5 163, в 1837 г. — 311 из 4 854, в 1838 г. — 134 из 5 794. А ведь в том же 1838 г. в самом III отделении завели 12 381 дело⁴⁴. И это не вызывает удивления, если учесть, что далеко не все занятия корпуса были связаны с делами политической полиции, а губернские жандармские команды, т.е. обер-офицеры и нижние чины, исполняли обязанности, схожие с функциями общей полиции и внутренней стражи⁴⁵. Сказывалось и своеобразие организации высшей полиции, во главе которой стояло одно лицо, и дела, заведённые штаб-офицерами, могли миновать штаб корпуса, поскольку посылались на имя шефа жандармов, а затем передавались в ту или иную экспедицию III отделения.

Так или иначе, отчётность III отделения и Корпуса жандармов до 1839 г. была различна и по форме, и по содержанию, а наличие у них общего главного начальника отнюдь не превращало одно из этих учреждений в исполнительный орган другого. Годовые отчёты корпуса должны были убедить монарха в эффективности жандармского надзора. К 1839 г., когда его формирование было в целом завершено, необходимость подробно сообщать о действиях штаб-офицеров отпала, и сведения о них редуцировались до нескольких листов в составе сводного отчёта III отделения и Корпуса жандармов.

⁴¹ Россия под надзором... С. 70—71.

⁴² ГА РФ, ф. 109, оп. 223, д. 1, л. 118.

⁴³ Записка, поданная А.Х. Бенкендорфом... С. 616.

⁴⁴ ГА РФ, ф. 109, оп. 223, д. 2—3.

⁴⁵ Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика... С. 232.